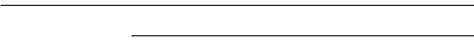

Эдвардъ Радзинскій

Эдвардъ Радзинскій

КНЯЗЪ
Записки стукача

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Р 15

Радзинский, Э. С.

Р 15 Князь. Записки стукача / Эдвард Радзинский. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 624 с.

ISBN 978-5-17-107760-0

Мираж императорского Петербурга, роскошь романовских дворцов... и печальный Петербург Достоевского, убогие квартиры террористов, где эти кровавые идеалисты готовили будущее Родины, — таковы главные места действия книги.

Герои повествования Император Александр II — последний великий царь и первый донжуан Европы, педантично описавший в секретном дневнике пять покушений на собственную жизнь и свою последнюю безумную любовь.

И князь В-кий — потомок знаменитого рода, Рюрикович и... секретный агент тайной полиции.

Его глазами мы увидим властителей дум эпохи — Достоевского и Герцена, Бакунина и Маркса. И наших знаменитых молодых революционеров, создавших самую мощную террористическую организацию Европы.

А над всеми ними — бессмертная русская тайная полиция, незримо руководящая жизнью страны и опутавшая Россию своей сетью, в которой в конце концов задохнулась Империя.

Впрочем, в книге есть главный победитель, с улыбкой взирающий на все эти беспощадные политические страсти. Это «наука страсти нежной» победившая в конце концов их всех — и донжуана-императора, и непреклонных террористов, и несчастного красавца князя В...

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107760-0

© Радзинский Э.С.

© ООО «Издательство АСТ», 2018

МОИ ЗАПИСКИ

(ЗАПИСКИ КНЯЗЯ В-ГО)

Наступил 1919 год. В самом повторении цифр мерещилось дьявольское. В стране, называвшейся прежде Российской империей, шла Гражданская война.

В Петербурге ночами — повальные аресты, меня слишком многие знали, и я придумал перебраться в Москву.

Стоял ноябрь. Город был покрыт портретами новых вождей и алым кумачом. Большевики перенесли столицу в Москву и праздновали в столице московских царей вторую годовщину своей победы.

Пришли необычные холода. Выпал ранний снег. В новой столице не было ни дров, ни еды, и люди умирали. Я жил (точнее, прятался) в квартире покойного дяди — огромной, нетопленной квартире на окраине Москвы...

Дядя — адмирал, служил в Генеральном штабе. Он находился с инспекцией в Кронштадте, когда случился большевистский переворот. Пьяные матросы заставили его рыть яму на Якорной площади перед собором. Там его и закопали — живьем...

Все квартиры в центре новой столицы уже были «уплотнены» — в них вселились солдатня, рабочие и вчерашняя прислуга. Образовались огромные коммуналки, где по утрам полуголые, потерявшие всякий стыд немые люди стояли в очереди в туалет и ванную. Но окраину только начинали трогать.

Всю мебель я давно сжег, и две последние картофелины испек на костре, устроенном в гостиной. Квартира стала первобытной пещерой.

Два дня я ничего не ел и рискнул выйти за хлебом...

Я направился к вокзалу. Здесь можно было раздобыть нужный адресок.

Хлеб в Москву везли из деревень — утаенный от конфискации крестьянский хлеб. Провозили тайно, замаскированно — мамыши, будто кормящие грудных младенцев (вместо младенцев — завернутые в одеяло буханки хлеба), или в грязных мешках под бельем, подкупив железнодорожную охрану. Пойманных расстреливали красногвардейцы тут же, на платформах, но удачливые мешочники (так их называли) прорывалась в погибавшую от голода столицу.

За хлеб получали все — золото, бриллианты, женщину, девочку. Адреса мест, где можно купить этот опасный хлеб, знакомые передавали друг другу, незнакомые продавали в вокзальных туалетах. В вонючем, давно не убиравшемся туалете я обменял теткин бриллиант на адресок: «В первом доме, справа от Казанского вокзала, во дворе найди зеленый забор. Вторая доска справа на заборе отодвигается, пройди во двор — за помойкой мешочник будет ждать с хлебом в шесть утра...»

И я отправился. Под пиджаком на теле был привязан мешочек со знаменитыми теткиными драгоценностями — диадемой с огромным изумрудом и ожерельем крупного жемчуга...

Было еще темно. В грязноватом рассвете огромный Карл Маркс смотрел со здания вокзала. Я вспомнил его огромную голову, пугающее множество волос — шевелюру, бороду Саваофа и заросшие пальцы. Вспомнил, как, веселый и пьяный, в лондонском рассвете он бил фонари вместе с компанией подвыпивших соратников... И как прытко удирал от лондонского полицейского.

Впрочем, теперь все фонари вокрут вокзала были также разбиты — вероятно, в его честь.

Когда я подошел к зеленому забору и начал искать отодвигавшуюся доску, меня окликнул грязный старик. В бес-

форменных лохмотьях опытный взгляд мог разглядеть когда-то дорогую шубу с оторванным (должно быть, проданным) бобровым воротником.

Он прошептал беззубым ртом: «Не ходите туда, милостивый государь... там засада — милиция... Все отняли — жемчуг, золото...» И осекся, ибо в этот момент узнал меня.

В моей такой же грязной, потерявшей всякий вид шубе узнать меня было непросто... впрочем, как и его.

Старик с удивительной резвостью пошел прочь.

Я устремился за ним.

— Вот так встреча! — громко шептал я. — Куда же вы, ваше превосходительство?

Он не оглянулся...

Две грязные бесформенные шубы мчались по улице.

Красногвардеец, стоявший на углу, проводил нас взглядом, и я тотчас раздумал догонять.

Теперь я точно знал — это был *он*.

Его я заметил уже на второй день после того, как переехал в квартиру дяди.

Тогда, пытаясь заснуть в ледяной квартире, я старательно содрал все занавеси с окон. Вместе с одеялом они должны были согреть голодное тело... И в обнажившееся окно кухни я увидел такое же голое окно в доме напротив.

Старик стоял в кухне и что-то варил.

Я сходил с ума от голода. Я принес бинокль дяди — разглядеть, что он варил. И тогда мне пришла в голову ясная мысль: убить варившего! Мне, вчерашнему *Его* Превосходительству... убить! Как тонка пленка цивилизации...

И, решившись убить, я поднял бинокль и... не поверил своим глазам.

Это был он! Или... видение от голода? Мне показалось?

В этот момент он почему-то странно заспешил прочь с кухни. На следующий день окно было завешено какими-то лохмотьями.

Я знал его с девятнадцати лет... О нашей первой встрече расскажу после.

Две последние случились накануне конца Империи...

Заканчивался февраль семнадцатого года. Я был влиятельным членом кадетской партии. И все свое огромное состояние, одно из самых больших в России, тратил на нужды партии. Было ясно — нам надо спешить... Империя шла ко дну. На фронте — одни поражения. Военные гробы — тысячами, каждый день. И царь, «безумный шофер» (как мы его тогда называли), прямиком мчал нас всех в пропасть.

22 февраля царь уехал в Ставку.

Но уже 20 февраля руководство партии собралось в моей квартире.

Гора бобровых шуб в передней... Старый Фирс с седыми бакенбардами в дорогой ливрее, похожий на генерала. Все, что нынче безвозвратно исчезло...

Я выступал с докладом: «Жалкая слякотная власть ведет нас к революции. Это будет *наша русская* революция. Революция гнева и мести темных низов. Это будет наш русский бунт — бессмысленный и беспощадный... Реки крови! Мы обязаны перехватить инициативу, господа...»

Было решено устроить переворот. Приехавший с фронта генерал должен был захватить царя, когда он будет возвращаться из Ставки в Царское Село... и заставить отречься.

Но *его* агент (как всегда) оказался среди нас...

Вскоре я получил приглашение явиться в Департамент полиции — *к нему*. На повестке стояла дата: 25 февраля 1917 г.

Сколько раз за свою жизнь я получал от него эти приглашения...

Решился бежать, и немедля. Но когда подошел к окну, увидел: трое в котелках и одинаковых черных пальто прогуливались у моего дома.

Он открыто установил наружное наблюдение. Чтобы я понял: бежать поздно. Обычный его прием — повесить топор над головой. «Неотвратимость наказания» — его любимые слова.

Но русский фарс торжествовал: прийти к нему в Департамент полиции мне не довелось. Пришлось прийти *ему* ко мне. Ибо началась Революция... В три дня погибла трехсотлетняя империя... Толпа громила полицейские участки. Дым, гарь стояли в те дни над Петербургом — горели Департамент полиции, суд, охранка... Царский поезд так и не смог пробиться в Царское Село — его заперли на станции с удачным названием «Дно».

3 марта я узнал: царь отрекся от престола.

Я стал товарищем министра юстиции, одним из организаторов знаменитой Чрезвычайной комиссии. Комиссия расследовала преступления высших царских чиновников и феномен Распутина.

На первое заседание собрались в Зимнем дворце...

Поднимаясь по парадной Иорданской лестнице, я вспоминал свой первый бал во дворце... Помню, как обрушилось на меня тогда все ее великолепие — сверкали мраморные стены с золоченой лепкой, тысячи свечей — в зеркалах и гигантский лазоревый плафон с богами Олимпа — над головой... Вдоль лестницы — шпалеры казаков в черных бешметах и «арапы» в малиновых куртках, в белых тюрбанах. Между ними текла наша толпа — ослепительно белые и кроваво-красные мундиры, сверкающие каски с золотыми и

серебряными орлами... Дамы с обнаженными алебастровыми плечами, у корсажей мерцал «шифр» — осыпанный бриллиантами вензель царицы, знак фрейлины...

Высокий седой красавец государь Александр Второй и хрупкая императрица с лазоревыми глазами открывали бал в придворном полонезе...

Теперь вместо этого видения из «Тысячи и одной ночи» — пустая грязная лестница. На мраморных ступенях — солдатские огурки... А те, кто приглашался на эти придворные балы, нынче сидели в сырых казематах Петропавловской крепости.

В Зимнем дворце мы только заседали... Допрашивали заключенных обычно в самой крепости. Помню комнату, где шли допросы. Из окна виден беспощадный золотой шпиль и летящий ангел на нем.

Ко мне приводили вчерашнего премьер-министра Голицына. Как же он был стар — в паузах допроса дремал... И мою петербургскую знакомую Аню Вырубову. Она сильно хромала, подпирала плечо костылем, плакала... Вчерашние владыки мира — в них появилось что-то трогательное, беспомощное, незащитное, детское... Таков человек — в горе и унижении становится ребенком.

Но *он* остался прежним.

Когда *его* привели, насмешливо поглядел на меня:

— Видите, как повернулось. Вчера я собирался вас допросить, а сегодня вы меня допрашиваете... Но впереди у нас с вами еще «завтра», — и усмехнулся. Потом спросил: — Сколько же лет мы знакомы?

— Сорок восемь.

— Почти юбилей. Сколько вам было, когда мы встретились?

— Девятнадцать.

— Да и я был на какие-то двенадцать лет старше. Всю жизнь мы прожили с вами бок о бок. Интереснейшая была у нас с вами жизнь... Опишите, коли останетесь живы. Вы ведь и журналистикой успешно баловались... Однако, что это я вас допрашиваю — вы ведь должны меня...

Когда я начал допрос, он все с той же насмешкой прервал:

— Где же стенограф? Вижу, сами решили записывать мои показания... Боитесь, *все* расскажу?.. Но в ваших глазах — веселые огоньки. Дескать, рассказать можно, но как доказать? Ведь здание бедного Департамента полиции — тью-тью... сгорело, и *все архивы* сгорели... Наверняка кто-то из ваших постарался... — Он засмеялся. — Этого я и ждал... Слишком много *наших* было среди *ваших*... Но позвольте напомнить: когда Наполеон прогнал хитреца Фуше из Министерства полиции, его преемник нашел архив... абсолютно пустым! Исчезли все секретные бумаги и главное — списки агентов. Наполеон в бешенстве клял Фуше «мерзавцем». И Фуше сказал тогда замечательную фразу: «Возможно, я принадлежу к мерзавцам, но к жертвам — никогда». Вот и я тоже... запасся. Так сказать, сохранил личный архив. — И добавил мрачно: — Не бойтесь, вас не трону... *пока*. Ну, допрашивайте.

Мои вопросы были о влиянии Распутина.

Он отвечал все так же насмешливо:

— Никакого влияния не было и быть не могло. Что же касается бесконечных ссылок в письмах царицы на пророчества Распутина, то Александра Федоровна была хоть и психопатка, но интуитивно хитра. И когда хотела чего-то добиться от несчастного царя, объявляла свое желание... предсказанием Распутина! Причем сама в это верила... На другой распространенный вопрос отвечаю: Распутин с ней не спал. Была она уже немолода и, главное, худая, а

Распутин, как все мужики, любил очень пышных... Да вы и сами отлично все это знаете, так что непонятно, зачем меня вызвали!..

Когда его уводили, он повторил:

— Ишь как обернулось! *Вчера* я вас хотел допросить, а *сегодня* вы меня допросили. — И, засмеявшись, старый дьявол добавил: — Я вас еще раз предупреждаю: *впереди у нас «завтра»*.

И ведь как в воду глядел!

Октябрьский переворот... Большевики окружили Зимний. Я до конца находился во дворце, сидел в маленькой бело-мраморной зале заседаний правительства вместе с министрами...

Помню этот приближающийся человеческий рев, топот... В распахнувшуюся дверь ворвались скопом... Толпа. Вперед вынырнул типичный интеллигент в пенсне и в какой-то романтической оперной шляпе с широкими полями. Встал перед столом, вынул из кармана лист бумаги и, близоручко щурясь через пенсне, торжественно прочел: «Именем Революционного Военного Совета Временное правительство объявляется низложенным».

Восторженный рев и гогот солдатни, набившейся в комнату.

Я сидел совсем рядом с ним. И когда он опустил исторический лист, увидел, что это была... ломбардная квитанция.

Тогда еще не вошло в обычай тотчас расстреливать. Солдатня повела нас в ту же Петропавловскую крепость. По дороге нашу процессию по ошибке трижды обстреляли. Спасаясь от пуль, мы падали прямо в октябрьскую слякоть. Можно представить, в каком виде я вошел в камеру...

В камере на койке сидел... *он!*

Он засмеялся:

— А я вас давно поджидаю. Вот и пришло «завтра»... Стоило тратить вам теткинo состояние... Столько миллионов ухлопать на Революцию, чтобы в конце концов попасть сюда. А я ведь собирался посадить вас совершенно бесплатно...

Уже на следующий день его, руководившего сыскной полицией Империи при трех императорах, отправившего на виселицу множество революционеров, начиная с террористов народовольцев и кончая большевистскими боевиками, эти же большевики выпустили из тюрьмы «в связи с преклонным возрастом»!

Видимо, кому-то из очень влиятельных большевиков пришлось постараться... Что делать, немало нас, революционеров, были тайными невольными и вольными его сотрудниками. Так что не один я боялся его архива.

Уходя на волю, он сказал мне:

— Желаю вам счастливого завершения вашего романа с Революцией.

Его освободили, а мне, несмотря на все заслуги перед Революцией, пришлось бежать из крепости.

И вот мы встретились в третий раз. Любит русский Бог Троицу.

Будто мучая меня, он вновь снял занавеску.

Теперь каждый день, перед тем как лечь спать голодным, я наблюдал в бинокль, как старик варил еду на маленьком костерке, разложенном на кухне.

И потом медленно ел.

Но вдруг он перестал появляться на кухне.

Прошло несколько дней, а он не выходил... Между тем в бинокль я разглядел на столе разложенную картошку. Много

